

РАБОТА НАД СКАЗКОЙ

К. ЧУКОВСКИЙ

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ

Много ли детей видел английский детский поэт Эдвард Лир, когда писал свои классические книги?

Только трех. Трех маленьких внучат графа Дарби, которых в то время обучал рисованию.

И только три девочки, сестры Лиделл, слушали Льюэла Керолла, автора «Алисы в чудесной стране», когда он, импровизируя, рассказывал им над сонной оксфордской рекой свою знаменитую сказку, в которой навсегда сохранились интонации интимного тихого голоса.

Но ко всем своим детям ни Эдвард Лир, ни Льюэла Керролл ни разу не выступили со своими творениями хотя бы перед несколькими десятками слушателей.

Мы же, детские писатели советских республик, ежедневно, с утра до ночи — в океане детей.

Безбрежный океан, от Арктики до Арктики, в нем-то и формируется все наше творчество. И совсем по-другому написан бы своего «Мойлодыра», если бы не чувствовал во время писания, что мне надо будет читать его вслух перед тысячами толпами детей.

И в этом, по-моему — основная особенность всех моих детских стихов: когда я пишу, я воображаю себя на эстраде перед множеством слушателей.

Конечно, сказки мои можно читать и детям-одиночкам в индивидуальном порядке, но их композиция, их ритмы и образы организованы так, чтобы их могли бы слушать тысячи слушателей.

Признаюсь, я заметил эту черту лишь теперь, переписывая книгу своих «Сказок», вышедших на свет в издательстве «Юность». Вот «Бармаклея», вот «Круженье солнца», вот «Липнопо», вот «Мойлодыр», вот «Тараканчик», вот что как будто специально написано для произнесения вслух перед непоседливой и нетерпеливой толпой малышей.

Самый объем каждой сказки определяется именно этим. Сказка «Липнопо» вначале была много длиннее, но, когда я впервые прочел ее у нас в Петербурге, в пионерлагере НПСР, я сразу заметил по лицам ребят, какие места нужно вычеркнуть. «Круженье солнца» и сперва написана в виде длинной монотонной сказки, в духе русских сказок XIX в.

Журавли по небесам, А медведи по лесам, Понеслись во всю прыть, Чтобы солнце воротить, Долетели журавли До эгипетской земли и т. д.

Но проверив ее на детских площадках, я сократил ее вчетверо, значительно ускорил ее темп, все разнообразнее в ее ритмику, словом, приспособил ее к восприятию не отдельного чтеца, а коллектива.

Отсюда то качество моих детских стихов, которое я называл бы сценичностью. Каждая сказка моя (за исключением «Телефона») театральна по своей композиции. Словно на сцене разворачивается каждый сюжет. Чтобы летская поэма шла по большому аудитории ребят, я строю ее, как театральную пьесу: в каждой есть завязка, коллизия враждующих сил и драматургическое разрешение этой коллизии.

Отсюда конечно, не следует, что «комнатное», уединенное чтение сказок тому или иному ребенку отнюдь уже в область прошлого. Напротив, никогда еще не было такого изобилия матерей и отцов, которые читают книжки своим маленьким детям, так часто, в индивидуальном порядке.

Но пусть эти книжки раньше всего пройдут испытание в массовых аудиториях детей.

Это — не праздное требование, так как, по мере социализации нашего бытия, коллективное чтение занимает все большее место в системе советского воспитания дошкольников и школьников первой ступени.

Все эти колоссальные дома культуры, детские городки и дворцы, огромные многомилионные массы оживших ребят, предъявляют нам, литераторам, новые требования, которых мы не можем не выполнять.

Для того чтобы вполне уразуметь эти требования, у нас есть единственный путь: всей своей деятельностью, всем своим творчеством приобщиться к этой ребячьей «громаде».

Когда я писал мою «Солнечную», я ежедневно ходил в ту саунаторию, о которой писал, и почти каждую главу сочинил совместно с той группой детей, которая была изображена в моей книге.

Значит ли это, что я проповедую полное и безоглядное приспособление детского писателя к детям?

Нисколько. Главная наша задача — приспособить ребенка к нам. В том и заключается суть воспитания, что взрослые всеми возможными способами подчиняют помыслы ребенка своим идеалам, желаниям, вкусам.

Но что же делать, если только та литература может по-настоящему влиять на детей, которая наиболее приспособлена к детям? Левая-педагогическая оттого и потеряла такой ошеломительный крах, что вся ее педагогика строилась на полном пренебрежении к ребенку. Они торжественно навязывали ему свои «возрожденные» идеи, заботы и замыслы, не замечая, что он — иностранец, не понимающий их языка.

Горе тому педагогу, который забудет, что психика ребенка иная, чем психика взрослого, и что, покуда мы не научим ее, всякие наши обращения к ребенку будут для него тараканьими.

Поэтому прежде чем написать первую сказку, я лет пятнадцать изучал малышей, кропотливо составлял свою книгу «От двух до пяти».

Вся эта длительная изученная ребенка и не мог бы написать ни строки для детей.

Вся моя забота была в том, чтобы, максимально приспособившись к психологии малых ребят, не только вложить им наши «возрожденные» идеи и ритмику («Мойлодыр»), об уважении к вещам («Федорино горе»), но и по возможности поднять их литературный и умственный уровень.

В качестве примера приведу «Бармаклея». Обычно считается, будто темы Майн-Рида, Буссенара и Купера доступны лишь пятнадцатилетним умам. Будто маленькие дети, лет пяти или чуть постарше, для этих тем не созрели, так как им еще не свойственна любовь к путешествиям, к неведомым странам, к романтике опасных приключений, к схваткам с дикими зверями и разбойниками.

Мне же казалось, что у нас, писателей, есть полная возможность писать пяти-шестилетним детям и этим темам, предназначенным якобы

для старшего возраста. Ведь в этом и заключается вся суть воспитания: незаметно и бережно переводить ребенка на той возрастной стадии, где он в настоящее время находится, и стадию дальнейшего развития. Я решил шестнадцать приключенческих романов для юношества: и беззастенчиво изложил в них все, что знаю из родного детства, и встречу с разгневанными зверями, и пребывание в плену у дикарей, и внезапное спасение из этого плена и даже обращение дикаря в лоно европейской цивилизации.

Ведь эту цепь сюжетных положений, приспособленных интонациями Купера для великовозрастных ребят, я попытался облечь в такие литературные формы, чтобы она стала доступна даже младшим дошкольникам. В этом и была моя задача: приобщить малышей к такому сложному чувству и мысли, который обычно бывает присущ более позднему возрасту.

А педагоги продолжают сердиться: «Зачем автор идет на поводу у детей и не поднимает их на ступеньку выше в их умственном развитии».

Боли кого и нужно поднимать — но на одну ступеньку, а на семь или восемь, — это именно такая педагогика.

В новой сказке, которую пишу и сейчас, мне опять-таки хочется приспособить к самым малым ребятам одну повесть «взрослуду».

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

Бородуля, гражданин СССР, нечаянно для себя самого соорудил средство распорядиться по своему усмотрению пологом — превращая Арктику в тропики, управлять бурянами, бурями, солнечными лучами, дождями и тучами. Как в Москве на Девичьем поле возмозлилось в кратчайший срок Государственное управление туч и ветров (сокращенно ГУТВВ). Как этот ГУТВВ распределил справедливейшим образом между всеми должными жару и холод, снега и дождя. Как одна из европейских держав похитила секрет этого великого изобретения. Как в условиях капиталистического хаоса, царящего в той стране, похитители вместо ожидаемых благ наделили всяческих бед, потому что при помощи вьеток и ползунов вывелись сварились себе одну пологую, конькобежную — другую, меховую — третью, мороженщицу — четвертую. В одной и той же местности в бешеном танце закружились десятки разнообразных полог, которые в несколько дней чуть не разорили страну. И так далее, и так далее, и так далее.

Эта тема пришла мне в голову лет десять-двенадцать назад. Я тогда же (весьма неудачно) разработал ее в виде полумористической, полуджурновальной повести и даже напечатал на нее несколько глав в одном ленинградском издании.

Но там я адресовался ко взрослым. А теперь делаю попытку изложить ее так, чтобы она стала доступна читателям «Крокодила» и «Солнечной».

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

И для этого у меня есть единственный путь: максимально приспособиться к ним.

Не так давно, выступая в Доме советского писателя, Георгий Дмитров сказал: «Я вспоминаю, что в литературе оказалось на меня особо сильное впечатление в дни моей юности? Что повлияло на характер моего характера? Должен сказать прямо: это была книга Чернышевского «Что делать?». Выдержка, которую я приобрел в дни своего участия в рабочем движении в Болгарии, выдержка, уверенность и стойкость, до конца во время лейнинского суда — все это, несомненно, имеет связь с художественным произведением Чернышевского, прочитанным мною в дни юности».

Значение этих слов выходит за пределы одной только книги Чернышевского. Здесь со всей отчетливостью остаются вопросы воспитания — значения художественной литературы. Это признание особенно ценно для молодого поколения нашей страны.

Самое собой разумеется, что формирование больших революционеров происходит сложными путями, но не малое значение в формировании революционного сознания имеет именно художественная литература, и слова одного из самых мужественных революционеров нашей эпохи подтверждают это.

Мне кажется, критика сравнительно мало занималась этим вопросом. Нашу литературу разбирали с точки зрения ее познавательного значения, критика много пикует о том, как литература отражает тот или иной аспект нашего строительства, но уделять же художественной литературе в формировании человека эпохи социализма не определил нашей критикой.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

О книге Николая Островского до сих пор написано не одной обстоятельной статьи.

Книга, за которую Николай Островский получил высшую награду родного трудящегося — орден Ленина, — не удостоилась ни одной так называемой «развернутой» критической статьи.

Островский начал печататься в журнале «Молодая гвардия» в 1932 г. Первая часть романа «Как закалялась сталь» была напечатана в 1932 г., вторая часть в 1934 г. И в этом же году вышла его книга.

В те времена нас, работников «Молодой гвардии», удивляло слабое реагирование читателей на многие произведения, которые мы печатали. Но вот мы стали печатать Николая Островского — имя тогда никому не было известно, — и потекли письма читателей. Писали люди различного жизненного опыта, разной культуры, писали комсомольцы и старики. Читатели слезали эту книгу своей настольной, близкой книгой без помощи литературной критики.

Наряду с чувством восхищения, которое выражали эти письма, были и практические советы автору, были раскаты о своей собственной жизни. Читатель видел в писателе своего друга. Читатели благодарили Островского за то, что он многим из них помог. Люди, которые почему-либо ввали в уныние, которым казалось, что они уже не могут быть полезны своему классу и партии, прочитав его книгу, чувствовали прилив жизненной энергии. В этих письмах книга расценивалась как источник женанной оилы, как источник, дающий возможность жить со смыслом, быть полезным, не быть излывенцем в своей стране. Многим читателям, все их невзгоды, все затруднения по сравнению с трудностями, которые преодолел этот человек, показались жалкими, мелкими, ничтожными.

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

О книге Николая Островского до сих пор написано не одной обстоятельной статьи.

Книга, за которую Николай Островский получил высшую награду родного трудящегося — орден Ленина, — не удостоилась ни одной так называемой «развернутой» критической статьи.

Островский начал печататься в журнале «Молодая гвардия» в 1932 г. Первая часть романа «Как закалялась сталь» была напечатана в 1932 г., вторая часть в 1934 г. И в этом же году вышла его книга.

В те времена нас, работников «Молодой гвардии», удивляло слабое реагирование читателей на многие произведения, которые мы печатали. Но вот мы стали печатать Николая Островского — имя тогда никому не было известно, — и потекли письма читателей. Писали люди различного жизненного опыта, разной культуры, писали комсомольцы и старики. Читатели слезали эту книгу своей настольной, близкой книгой без помощи литературной критики.

Наряду с чувством восхищения, которое выражали эти письма, были и практические советы автору, были раскаты о своей собственной жизни. Читатель видел в писателе своего друга. Читатели благодарили Островского за то, что он многим из них помог. Люди, которые почему-либо ввали в уныние, которым казалось, что они уже не могут быть полезны своему классу и партии, прочитав его книгу, чувствовали прилив жизненной энергии. В этих письмах книга расценивалась как источник женанной оилы, как источник, дающий возможность жить со смыслом, быть полезным, не быть излывенцем в своей стране. Многим читателям, все их невзгоды, все затруднения по сравнению с трудностями, которые преодолел этот человек, показались жалкими, мелкими, ничтожными.

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

Ленинский комсомолец, в лице т. Корсарова, предвзята нашей советской литературе счет от имени всего молодого поколения нашей страны. Молодое поколение требует, чтобы наши писатели показали положительного героя, каких у нас было достаточно в литературе, а жизненного, отчетливо правдивого героя-большевика, у которого наша молодежь могла бы учиться, с которого могла бы брать пример, у которого могла бы находить ответы на те, пусть самые мельчайшие, противоречия, которые возникают на пути каждого молодого человека и которые часто невозможно разрешить в подтиркужке.

И вот надо оказывать, что книга «Как закалялась сталь» — это удивительный ответ писателя, откликнувшегося на это предложение. Положительный герой книги Павел Корчагин не тот герой, который делался по рецепту: невозможно положительного, невозможно отрицательного. Вы видите его отголоски в женщине, его связь с товарищами, читая роман. Вы видите, что такое для него партия. Корчагин — это образ большевика, растущего из малозначительного стихийного бунтаря и вырастающего в подлинного большевика-руководителя. Кем был Павел Корчагин в детстве?

ОРДЕН ЖЕЛЕЗНОЙ РОЗЫ

БОР. ДАЙРЕДЖИЕВ

«Лошади бегали без всадников, и Польшу не узнавали друг друга» — так начинает Яновский свою замечательную повесть Доло во все не в былинной схеме, — слуди четыре ветра, сошлись четыре дороги, встретились четыре брата Эпизод, которым открывается книга Яновского, полон мучоубающей исторической правды Партизанщина, тасе и неразбериха крестьянского восстания, руководством которого, из-за недостаточности сознания и организаторности, не овладев орау пролетариата Украины — вот в чем суть «братоубийственного» эпизода, сразу давшего тон всей книге Яновского.

Здесь начало основной темы поэмы «Всадники», — закладка сознания многомиллионных Масс отсталой крестьянской страны, поворот их, под влиянием горького опыта хозяйничанья контрреволюции и интервентов на Украине, с пути анархического крестьянского бунта на путь пролетарской революции. В этих условиях закалялось сознание масс, рождалась легендарная легенда, родилась железная роза, практическая значительная история, творчества, и в этом именной стержень поэмы Яновского.

Когда братья секутся за смерть под Компанейской, проливая свет и жизнь, бота и род, старик Мусей Половец уже нашел дорогу к большому, к Чубенко, к полющу и стал в ряд с сыном Иваном, командиром красного полка. На байдатов наступил Иван Половец, который с Иваном Оверко и Андрием «солнечного» роду, да не одного класу, он оказался одного класа с отцом Мусей и его великой артефакцией рыбакон, завладевших на своем хребте чья правда правды».

Н Плеско в своей статье прекрасно доказал, что «Всадники» построено по принципу развертывания положительных мотивов, в не раскрытия образов и действующих лиц в сюжетно-романтическом плане. Два «мотива» в этой области должны привлечь особое внимание критики Это прежде всего тема — мотив детства Давидки, а затем — молодого комсомо-

са Давидки Чабана, и тема Шведа и Чубенко.

Тема Давидки тем интереснее, что она близка к известной мере левонароднической интеллигенции, которая идеализировала патриархальную украинского мужика и в каждом «сильном» готова была видеть Тараса Бульбу. Эта интеллигентная искала выхода из противоречий двойного гнета, затопленного над украинским мужиком — русской и иностранной буржуазии и украинской буржуазии, помысли — на пути утопической мечты — создания средневековой воляничии — Запорожской сечи. Путь этот привел к беспримерному разорению страны анархическому и националистическому кулацким бандам, беспосредственным противостоять на монархической русской контрреволюции Лениных и Врангеля, на японскому вторжению германских полчищ и оставшихся основную базу кулацкой Вандей против пролетарской революции.

Но в мировосприятии Давидки, в теме «Детство» есть и то здоровое ядро, которое Ленин всегда учил заботливо вышуделушивать из реакционно-утопического валора всякого народничества и которое сводится к глубокой искренней демократической и, по-своему, беззаветной любви к угнетенному народу и к его праву на лучшую жизнь Лирно-романтические почти песенные, мотивы «спасены и дикие маки», «все эти маленькие ламочки, стеганные гостиницы» и детские радости — все это великодушная ролюной степи, родного края, дорою и превратом несмотря ни на что — ни на голод, ни на нужду, ни на притеснения, — именно тут здоровое ядро Давидкиной темы. Здесь начало путей, которые

ВСЕВОЛОД ИВАНОВ

ДВЕНАДЦАТЬ МОЛОДЦЕВ ИЗ ТАБАКЕРКИ

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА СЦЕНЫ:

Павел Первый, император всероссийский... Сергей Марин, поэт... Тамария Демидова, дочь уральского заводчика А. Демидова...

нашего нежного друга. (К Марину). Прикажи спрятать где-нибудь побольше... МАРИН (вспыхнул). Я — Марин, дворянин...

жени, у которой в знак таинства веры на голове обретаем покрывало. В одной руке она держит крест, в другой — библию...

док страны. А те истинники служат полами, поны же... МАРИН. Корректор типографии ларской, поспешишь Сергей Никифоров...

МАРИН. По представлению шефа, ваше величество, колючен со службой за перелазом к должности, за плечом, за разными сатирическими сочинениями...

А. Кравченко. Ударики Азовстали (Рисунк и выставке «Индустрия социализма»)

Монахи о любвиотством рассматривают в юностипусто нишу для иконы... АРГАМАКОВ (размахивая громадной оловяной поделкой в нише). Монахи, сюда будут ставить икону преподобного де-ла-Валлетта?

ДЕМИДОВА (подходит к Жеребцову). Она, улыбаясь, смотрит друг на друга. Ветер-то ночью какой злой...

МАРИН. Хорошо кричал. Ветром его обдуло на вершине, что ли, только, слезая, ужасно он обиделся, схватил архиерея за крыло клобука...

МАРИН. Раз... (Остатки анализирует и не повернувшись лицом к царю, слушает).

МАРИН. Раз... (Остатки анализирует и не повернувшись лицом к царю, слушает).

КНИГА ПОБЕД

Эта книга вновь переносит нас в ту незабываемую атмосферу воспродержавшейся большевиком революции...

В те дни все наша необятная страна напряженно ловила каждое слово, звучащее с трибуны социализма...

Историческая роль великого зодчего социализма тов. Сталина, гениальное раскрытие исторического значения и перспективы стачковского движения...

Павел. Чему изволили смеяться, сударыня?

МАРИН. Это вы исполнили сегодня сказать в адрес тов. Невского? Да обидели? Это вы, сударыня, при виде знамени императора осмелились?

МАРИН. Если б сердце мое было смелее, я б его ярчича немедленно в руки ваши, сударыня.

МАРИН. Плохо. (Демидова кивает. Марин обижена.) Я — поэт, сударыня.

МАРИН. Сейчас я пишу лишь академические поэмы. Но во мне уже пылают огни великой поэмы.

МАРИН. Сударыня, письмо не к вам! Демидова. И не к вам, сударь. (Читает с вдумчивым видом, затем быстро разворачивает газету, смотрит, смеется, кладет письмо и газету обратно в пакет, а пакет сует за корсаж.)

МАРИН. Вспомнила покойного мужа, ваше величество. Даже в такие оловянные поручки и генерал имеют ранжир.

МАРИН. Печка тебе любви? МАРИН. Печка, скажи ты на милость? Сам-то я на печке родился, и нет для меня больше радости, как ее обжаривать. Я и дома сам топию и даже сам стирал когда-то. Попаляла меня ругает, ругает: от пасомых, говорит, почтенья нет — пох вечно льется и вечно у печки. Зато у меня не перекос, а прямо баня.

МАРИН. Если б сердце мое было смелее, я б его ярчича немедленно в руки ваши, сударыня.

МАРИН. Плохо. (Демидова кивает. Марин обижена.) Я — поэт, сударыня.

МАРИН. Сейчас я пишу лишь академические поэмы. Но во мне уже пылают огни великой поэмы.

МАРИН. Сударыня, письмо не к вам! Демидова. И не к вам, сударь. (Читает с вдумчивым видом, затем быстро разворачивает газету, смотрит, смеется, кладет письмо и газету обратно в пакет, а пакет сует за корсаж.)

МАРИН. Вспомнила покойного мужа, ваше величество. Даже в такие оловянные поручки и генерал имеют ранжир.

МАРИН. Печка тебе любви? МАРИН. Печка, скажи ты на милость? Сам-то я на печке родился, и нет для меня больше радости, как ее обжаривать.

МАРИН. Если б сердце мое было смелее, я б его ярчича немедленно в руки ваши, сударыня.

МАРИН. Плохо. (Демидова кивает. Марин обижена.) Я — поэт, сударыня.

МАРИН. Сейчас я пишу лишь академические поэмы. Но во мне уже пылают огни великой поэмы.

МАРИН. Сударыня, письмо не к вам! Демидова. И не к вам, сударь. (Читает с вдумчивым видом, затем быстро разворачивает газету, смотрит, смеется, кладет письмо и газету обратно в пакет, а пакет сует за корсаж.)

МАРИН. Если б сердце мое было смелее, я б его ярчича немедленно в руки ваши, сударыня.

МАРИН. Плохо. (Демидова кивает. Марин обижена.) Я — поэт, сударыня.

МАРИН. Сейчас я пишу лишь академические поэмы. Но во мне уже пылают огни великой поэмы.

МАРИН. Сударыня, письмо не к вам! Демидова. И не к вам, сударь. (Читает с вдумчивым видом, затем быстро разворачивает газету, смотрит, смеется, кладет письмо и газету обратно в пакет, а пакет сует за корсаж.)

МАРИН. Если б сердце мое было смелее, я б его ярчича немедленно в руки ваши, сударыня.

МАРИН. Плохо. (Демидова кивает. Марин обижена.) Я — поэт, сударыня.

МАРИН. Сейчас я пишу лишь академические поэмы. Но во мне уже пылают огни великой поэмы.

МАРИН. Сударыня, письмо не к вам! Демидова. И не к вам, сударь. (Читает с вдумчивым видом, затем быстро разворачивает газету, смотрит, смеется, кладет письмо и газету обратно в пакет, а пакет сует за корсаж.)

МАРИН. Если б сердце мое было смелее, я б его ярчича немедленно в руки ваши, сударыня.

О ПОЭЗИИ М. БАЖАНА

С. Никитин. Эскиз к картине. (К готовящейся выставке работ художника)

В своей замечательной речи о путях украинской советской литературы тов. П. П. Постышев отделил и охарактеризовал трудность, каково она встречала в своем развитии... «Советская украинская литература, оформляясь и развиваясь в условиях острой классовой борьбы на Украине»...

«Беседа сердца» — кризис творческого мировоззрения Бажана, но это тот кризис, за которым последовало выживание... «Беседа сердца» — кризис творческого мировоззрения Бажана, но это тот кризис, за которым последовало выживание...

«Беседа сердца» — кризис творческого мировоззрения Бажана, но это тот кризис, за которым последовало выживание... «Беседа сердца» — кризис творческого мировоззрения Бажана, но это тот кризис, за которым последовало выживание...

«Беседа сердца» — кризис творческого мировоззрения Бажана, но это тот кризис, за которым последовало выживание... «Беседа сердца» — кризис творческого мировоззрения Бажана, но это тот кризис, за которым последовало выживание...

П. П. Постышев «Пути украинской советской литературы». Речь на пленуме правления Союза советских писателей Украины. Гослитиздат, 1935 г.

В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. «Голосизд», т. XVIII, стр. 81 (изд. 3-е).

В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. «Голосизд», т. XVIII, стр. 81 (изд. 3-е).

В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. «Голосизд», т. XVIII, стр. 81 (изд. 3-е).

В. И. Ленин. О национальной гордости великороссов. «Голосизд», т. XVIII, стр. 81 (изд. 3-е).

ИЗДАНИЯ МАЯКОВСКОГО

Книги Маяковского стали библиографической редкостью. Мы обновили несколько книжных магазинов...

Как реагирует Гослитиздат на подобные факты? Думает ли издательство увеличить выпуск книг Маяковского в 1936 году?

— В настоящее время издательство, — сказал т. Накоряков, — разрабатывает на 1936—37 гг. большую программу издания сочинений великого поэта.

Особое внимание в плане обращено на выпуск академического издания собрания сочинений Маяковского. Издательство примет все меры к тому, чтобы это издание было завершено в первом полугодии 1936 г.

В течение второй половины 1936 г. и в 1937 г. мы переиздадим это собрание произведений, внеся в него ряд необходимых дополнений. Но одно собрание сочинений поэта, каким бы большим тиражом мы его ни выпустили, не сможет полностью удовлетворить спрос читателей на книги поэта.

Некоторые вещи Маяковского будут изданы отдельными книжками «Ленин», «Хорошо», «Про это», «Облако в штанах» и песни выйдут в художественном издании. К работе привлекаются лучшие советские художники.

Кроме того за двухлетний период Гослитиздат выпустил большой монографический труд о Маяковском.

За 5 дней

Лекция А. Егупина «Творчество Н. Г. Чернышевского» состоялась 11 декабря в ЦДКА.

Сегодня в Доме печати писатель Е. Габрилович и режиссер Ю. Райзинг читают сценарий художественного звукового фильма «Последняя ночь».

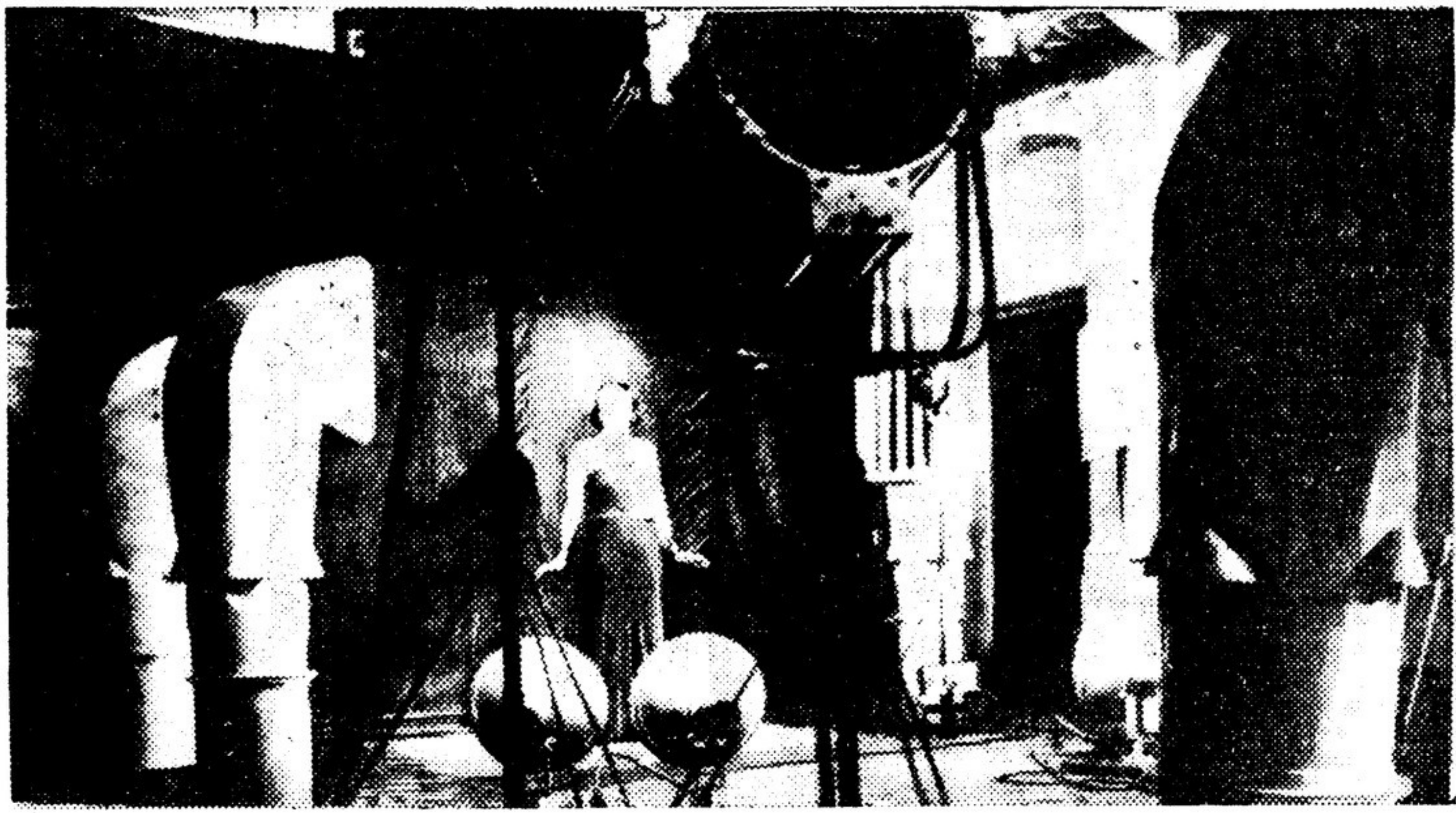
Доказательство советской поэзии сделал 10 декабря в Центральном доме Красной армии А. Обуховский. Артист театра ЦДКА Н. Першин прочел «Волшебный голос Маяковского».

Отчетный вечер театров, выезжавших на гастроли в части Красной армии и флота, состоялся 14 декабря в Клубе работников искусств. С отчетами выступили театр Революции, Революционный театр, Московский театр оперетты, театр Сатиры и театр Р. Сямонова.

Доказательство архитектурной А. Шусева «Архитектурный конгресс в Риме» состоялся 11 декабря в Доме советского писателя. Доклад привлек большую аудиторию.

Вечер Веры Инбер состоялся 12 декабря в Клубе работников искусств. После краткого выступления спела В. М. Инбер прочла сценарий к второй части «Восстания в Солонике».

Выставка произведений А. Девенка открывается сегодня в помещении Всесоюзной выставки. На выставке представлено 100 живописных работ в 30 рисунков.

Передача радио-телевидения на Эйфелевой башне в Париже.

БОЛЬШОЙ ПЛАН СОВЕТСКОЙ КИНЕМАТОГРАФИИ

Никогда еще перед тематическими собраниями по кинематографии не стояла такой огромной сложности задача, как перед тем совещанием, которое открылось 12 декабря.

Возникновение и реализация этого плана были бы, конечно, немислимы без самого полного и всестороннего учета опыта мировой и особенно американской кинематографии. Во время своего недавнего пребывания в Голливуде т. Шумяцкий имел возможность лично изучить практику американского кино.

Мы же в 1935 г. создали всего лишь 65 картин! Как это ничтожно мало по сравнению с тем, что требовал наш рынок, с тем, что мы могли бы сделать при изменении методов и принципов организации нашего кинематографического дела!

Намечая эти принципы реконструкции советского кино, т. Шумяцкий подчеркивает, что одним из главных условий реализации нового плана может явиться лишь создание «советского Голливуда». Никто в Европе, кроме разве Италии, не обладает еще такими возможностями создать киностудию, подобную той, которая возникла в Калифорнии.

Очень остро поставлены были творческие вопросы в выступлениях режиссеров Ромаша и Трауберг. Оба они резко подчеркивают с т. Шумяцкий, высказывания которого о «Чапаяеве» и «Аэроплане» на недавней встрече с киноведцами они считают неправильными.

В этой связи т. Трауберг ставит вопрос о «пределах» смелости в критике и самокритике людей, работающих в кино.

200 фильмов, потребуется 110 режиссеров, 72 оператора, 110 ассистентов, 600 актеров, 65 звукооператоров, 55 монтажеров, 6—7 тысяч фигурантов, 96 сменных аппаратов, 40 павильонов площадью в 33 тысячи квадратных метров и т. д. и т. п.

План, разработанный т. Шумяцкий, провозгласил огромное впечатление на конференции. Об этом можно судить по выступлениям тех деятелей кино, которые уже успели высказаться. С речкой единодушием т. Пудовкин, Раппапорт, Шкловский, Плотников, Трауберг, Кузнецов, Ромаша, Нильсен и др. характеризуют доклад т. Шумяцкого, как свидетельство необычайного перелома в жизни нашей кинематографии.

Ряд ораторов правильно подчеркивает от увеличения одной только организационно-административной стороны дела за счет дальнейшего развития творческих сил. Именно теперь эти стороны должны приобрести особенно широкую размах, именно теперь нужно повести самую решительную наступление против ремесленничества в искусстве, против дилетантизма, «сертификанства», вить курс на еще большее укрепление связи со смежными искусствами.

Все подтверждает тот факт, что писатели продолжают сейчас к кино ближе, чем когда-либо. Очень остро поставлены были творческие вопросы в выступлениях режиссеров Ромаша и Трауберг. Оба они резко подчеркивают с т. Шумяцкий, высказывания которого о «Чапаяеве» и «Аэроплане» на недавней встрече с киноведцами они считают неправильными.

В этой связи т. Трауберг ставит вопрос о «пределах» смелости в критике и самокритике людей, работающих в кино.

Спектакль МХТ II очень понравился Жаку Девалью. — Я смотрел спектакль, — сказал он нашему сотруднику, — с чувством глубокой признательности ко всему коллективу театра. Московская постановка «Мольба о жизни» — лучшая из всех, виденных мною иностранных постановок моих пьес.

Дельман НОВЫЕ КНИГИ советская литература А. Дмитриев. Адмирал Макаров. Роман. Книга 1. Издание 3-е. 246 стр., цена 4 р. 50 к. Ленинград, Гослитиздат.

В. Овчинин. Колхозные рассказы. 64 стр., цена 50 коп. Ростов-на-Дону, Азгизиздат. Н. Тихонов. Рассказы 261 стр., цена 4 р. 75 к. Ленинград, Гослитиздат.

М. Шагинин. Собрание сочинений. 1903—1933. Том II. «Своя судьба», «Перемена». Предисловие В. Ермакова. 429 стр., цена 5 р. 75 к. Москва, Гослитиздат.

И. Эрнбург. Не переводя дыхания. Роман. 205 стр., цена 1 р. Москва, Гослитиздат. В. Афанасьев. Восток. Стихи. 72 стр., цена 1 р. 25 к. Хабаровск, Дальневосточное краевое издательство.

И. Джансугуров. Конец. Стихи. Перевод с казахского Дм. Снегина. 51 стр., цена 1 р. 75 к. Алма-Ата, Казахское краевое издательство. В. Маяковский. Полное собрание сочинений. Пол обшей редакцией Л. Ю. Брик и И. Басалова. Т. X. Стихи. 1929—1930. Редакция и примечания В. Маяковского. 253 стр., цена 6 р. 50 к. Москва, Гослитиздат.

С. Шенгели. Шанер. Стихи. 206 стр., цена 4 р. 25 к. Москва, Гослитиздат. русская классическая литература Д. Мамин-Сибиряк. Избранные сочинения. В 5 томах. Том II. «Горное гнездо», «Войны», «Очерки». Комментарии К. В. Боголюбова и П. С. Богословского. Иллюстрации А. Константина. 352 стр., цена 8 р. Свердловск, Свердловск.

И. Турганев. Избранные сочинения (полнотомик). Вступительная статья М. К. Клемана, примечания И. И. Векслера. Издание 2-е. 568 стр., цена 8 р. 50 к. Ленинград, Гослитиздат. переводная литература Д. Конрад. Фрейя семи островов. Повести и рассказы. («Фрейя семи островов», «Гайфун», «Авантюст из Византии» и др.). Перевод с английского А. В. Криноной. 310 стр., цена 6 р. 75 к. Москва, Гослитиздат.

литературоведение В. Даль. Толковый словарь. Том III. Воспроизведено со 2-го издания 1880—1882 гг. фото-механическим способом. 576 стр., цена 16 р. Москва, Гослитиздат. И. Коварский. П. С. Тихонов. Критический очерк. 239 стр., цена 3 р. 75 к. Ленинград, Гослитиздат. Хакани. Незамы. Руставели. Сборник I, посвященный Хакани. 52 стр., цена 2 р. 25 к. Ленинград, издание Института кавказоведения Академии наук СССР.

ЖАК ДЕВАЛЬ В МХТ II

Третье представление пьесы французского драматурга Жака Девали «Мольба о жизни» было 11 декабря в МХТ II в присутствии автора. Жак Деваль специально приехал из Парижа, чтобы посмотреть постановку своей пьесы на московской сцене.

В антракте Жак Деваль познакомился с присутствующими в театре народным артистом республики режиссером Е. О. Любимовым-Ланским, заслуженным артистом республики Ю. А. Завальским и представителями московской прессы.

Спектакль МХТ II очень понравился Жаку Девалью. — Я смотрел спектакль, — сказал он нашему сотруднику, — с чувством глубокой признательности ко всему коллективу театра. Московская постановка «Мольба о жизни» — лучшая из всех, виденных мною иностранных постановок моих пьес.

Спектакль МХТ II мне хочется сравнить с таким оперным спектаклем, в котором все партии, вплоть до самых маленьких, исполняют лучшие солисты. Все играет очень хорошо, а Берсенев и Гвагнинто — выше всяких похвал. Они играют с такой необычайной чуждостью, с таким пониманием психологии созданных мною образов, что я не могу найти слов для выражения моего восхищения.

Деваль сообщил нам, что он пишет пьесу о молодом человеке, который, живя в современном буржуазном обществе, поставил себе целью жить и чувствовать себя свободным гражданином. Пьеса названа «Я буду жить свободным» («Je vivrai libre»).

После четырехдневного пребывания в Москве Деваль возвращается в Париж с тем, чтобы в конце января, на более продолжительное время, снова приехать в СССР, где он намерен вплотную познакомиться с литературой и театральной жизнью страны.

СТАХАНОВЦЫ У ПИСАТЕЛЕЙ

ЛЕНИНГРАД. (Наш корр.). В Доме писателя им. Маяковского состоялся вечер встречи стахановцев ленинградских заводов с писателями Ленинграда. С огромным вниманием были выслушаны рассказы инициаторов стахановского движения в Ленинграде: Сметанина, Мартынова, Авдеева, Фоминой и др.

Лучшие люди, стахановцы-орденоносцы, говоря о своем самом счастье жить и работать в Советской стране, ставят в качестве задачи и ставят задачу трудящихся всего мира — Иосиф Виссарионович Сталин, ведущий нашу социалистическую родину от победы к победе.

— Станьте? Радость? — говорит Николай Сметанин. — Нет, эти слова недостаточны, чтобы выразить чувства, которые владели нами в незабываемые дни совещания в Кремле. Мы видели Сталина. Мы слышали Сталина. Каждое его слово навеки вошло в наше сознание. Я мечтаю, чтобы эти дни и эти чувства были отображены писателями, художниками слов...

Стахановцев приветствовали Н. Тихонов, Ю. Либединский, С. Марчин и М. Орлов (директор Ленгослитиздата).

На квартире у Г. Никифорова 9 декабря встретились стахановцы с писателями. Встречу организовала группа писателей при издательстве «Советский писатель». Стахановцы Галицын и Корольев рассказали писателям о новых методах своей работы. На встрече присутствовали В. Инбер, И. Касаткин, И. Катаев, В. Вересаев, П. Нязов, А. Новиков, П. Замощин, В. Гроссман, С. Катышков.

Г. Никифоров прочел своим гостям несколько отрывков из романа «Мастера», рассказывающего о методах работы на механических заводах в до-революционной России. На вечер встретились два юбиляра, празднующих на днях 50-летие своей работы: писатель В. Вересаев и стахановец т. Галицын.

В ближайшие дни состоится встреча стахановцев с писателями на квартире у А. С. Повикова-Прибыля. В начале января группой писателей организуется у А. Свицкого встреча писателей со стахановцами завода Лепсе и фабрики «Ява». А Свицкий прочтет отрывки из своей новой пьесы «Прочет», посвященной 9 января.

ПЛЕНУМ ПРАВЛЕНИЯ ЛИТФОНДА 20 декабря открывается расширенный пленум правления Литфонда. На повестке дня доклад отдела Литфонда национальных республик и областей (Ленинградского, Украинского, Белорусского, Грузинского, Узбекского, Таджикистанского и др.). В докладе будут освещены следующие вопросы: выполнение плана по сбору отчислений с издательств и предпринятый материально-бытовой и лечебный обслуживание членов Литфонда и их семей и работа подсобных и хозяйственных предприятий Литфонда.

Пленум продлится 2—3 дня. Ответственный редактор Л. М. СУБОЦКИЙ. ИЗДАТЕЛЬ: Журналистско-газетное объединение. РЕДАКЦИЯ: Москва, Сретенка, Последний пер., д. 26, тел. 69-61 и 4-34-60. ИЗДАТЕЛЬСТВО: Москва, Страстной бульвар, 11, тел. 4-68-18 и 5-54-69.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ...

Текущий год уходит. Новый близко. Редакция в набат рекламный бьет О том, что принимается подписка На тысячу девятьсот такой-то год. За сим идет, какого и не знали, Густой навар дьявольской ужи. Что будут напечатаны в журнале Романы, повести, рассказы и стихи. Двенадцать пьес, сто сорок три обзора, Такое же количество статей, И уголок «сатиры и юмора», И образцы фольклора для детей. Все будет безусловно гениально, Как подобает в наш великий век. И что журнал ведут коллегиально По меньшей мере сорок человек. Что говорить, реклама — без обмана. В журнале все, что общедоступно: Четыре с половиной романа, Семь повестей, рассказы двенадцать шесть, Пять очерков, стихи и даже пьеса (Сплошной амаз, украсивший журнал). О том, конечно, как один профессор Сначала не хотел, потом признал. Ну, что ж, начнем хотя б с прекрасной прозы. Вмешавшись на четырех листах. Не велики антекварские дыры. И выглядят они примерно так: Тайна Арчибальда Функа Книга первая. Часть первая. Глава первая. — Чорт возьми! — вскричал Арчибальд Функ, вытаскивая из-за паузы странную ядовитую дохлую фалагу. — Что это значит? Но не успел Арчибальд до конца проглотить случившееся, как в тот момент две тонкие иголки женских рук обхватили евхарастическую страну — Какая парварская страна! — с возмущением подумал Арчибальд, отдалась беззвонко. За окном проходили караваны верблюдов

А. АРХАНГЕЛЬСКИЙ Грохотали экскаваторы. (Продолжение следует). Последняя у попа жинка Роман-эпопея (Начало в позапрошлом году). Книга пятая. Часть восьмая. Глава сто восемнадцатая. — Да, — подумала Ася, входя в ту комнату, которая напоминала ей то время, в которое она очутилась сама в чужих глазах, которые воспринимали все то, которое окружало ее, как некоторые прекрасные декорации. — Да, подумала она еще раз. — Я чувствую, что... (Продолжение в следующем году). Крутой замес Роман Книга вторая. Часть третья. Глава одиннадцатая. Главный инженер Антимовов взычался у стола, уставясь на презабавно выпуклыми, скеротическими глазами, словно баран на новые ворота. Морщины усов его несдержанно надрывались от еле сдерживаемой ярости. — Ну? — гмыкнул он, выбихив шею. — А ты не укажи, — брызнул на него смелыми глазами презабавома. — Ты не фубырись. Заткни воздую. — Ах, вот как! — прохрипел Антимовов. — Прекрасно. В таком случае... (Продолжение следует). Прозрел Пьеса в 3 действиях. Действующие лица. Почин Николай Николаевич, профессор, беспартийный, 69 лет. Нина, его дочь, сочувствующая, 19 лет. Электрон, инженер, партийный, 28 лет. Действие первое. Нина. Папа, ты не прав. Профессор. Не будем спорить, ты ничего не понимаешь. Жизнь — ужасна.

Нина. Папа, ты заблуждаешься. Посмотри вокруг себя. Профессор. Не хочу. Нина. Отец! Профессор. Оставь меня. (Играет на арфе). Действие второе. Электрон. Нет, дорогой профессор, вы не правы. Профессор. Молодой человек, вы еще слишком молоды! Электрон. Профессор, вы глубоко заблуждаетесь. Посмотрите вокруг себя. Профессор. Не хочу! Электрон. Николай Николаевич! Профессор. Не будем спорить! (Играет на тромбоне). Действие третье. Нина. Папа! Ты все-таки не прав. Посмотри вокруг себя! Электрон. Профессор! Вы заблуждаетесь. Посмотрите. Жизнь прекрасна! Профессор (прозрел). Да. Вы правы. Я заблуждался! Нина. Отец! Электрон. Николай Николаевич!!! Профессор. Вы презрели меня. Я счастлив, дети мои! Да, жизнь прекрасна! Любите науку и друг друга! (Нина и Электрон обнимают профессора. Дуэт арфы и тромбона). Заванес.

Литература Д. Конрад. Фрейя семи островов. Повести и рассказы. («Фрейя семи островов», «Гайфун», «Авантюст из Византии» и др.). Перевод с английского А. В. Криноной. 310 стр., цена 6 р. 75 к. Москва, Гослитиздат. Стендаль. Собрание сочинений. Т. VIII. История живописи в Италии. Салон 1824 г. Перевод В. Комаровича. Предисловие и примечания В. Г. Ренцова. 552 стр., цена 9 р. Ленинград, Гослитиздат. искусство В. Миллер. Гостав Курба. (Жизнь и творчество). 140 стр., цена 5 р. 50 к. Ленинград, издательство Ленинградского областного союза советских художников. В. Чепелев. Искусство советского Узбекистана. 139 стр., цена 7 р. Ленинград, издательство Ленинградского областного союза советских художников. фольклор Сорок небилец. Казахские сказки. Составлены по литературным материалам казахского народного творчества для детей младшего и старшего возраста. 100 стр., цена 2 р. Алма-Ата, Казахское краевое издательство. Лирика (Помесь Фета и крестьянского поэта). Колхоз сыял. Грезели хором Самодельные кружки. Охвачен творческим напором Я сердца чувствую точку. Душе тепло и на морозе. Еле теплее с тобой, с ней... Коль славы наш силос в колхозе В сиянье чужих трудовней! Замечины апичатки Напечатано карота печатный браньсь фигурки книги самодельные редактор Следит читать красота печальный боролсь книга фигу самодельные редактор И так далее.

Государственное издательство «Художественная литература» Ленинградское отделение ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1936 ГОД на ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЛИТЕРАТУРНЫЙ СОВРЕМЕННОК Орган Союза Советских писателей СССР. 4-й год издания. В 1936 году журнал печатает: Юрий Тынянов — Писатели, роман, части 2-я и 3-я. Ю. Берин — Пустыни, роман. Юрий Герман — Упомянутый угольный рысак, роман. В. Каверин — Иезуитские жемчуги, роман. М. Колосов — Девять тонок, ч. III. А. Чарыгин — Псковский стрелковый сыск, роман. И. Эрнбург — Новый роман, Геннадий Фин — Мои жаны, роман и др. романы, рассказы, повести, очерки, стихи, переводы, статьи. Подписная цена: 12 м.—24 р., 6 м.—12 р., 3 м.—6 р. Отделный номер—2 руб. Подписка принимается отделениями, магазинами, kiosками и уполномоченными kiosками, Союзпечатью, почтой на почте и непосредственно в главной конторе kiosка (Москва, Маросейка, 7).

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» КОГИЗ ГЛАВНАЯ КОНТОРА ПОДПИСНЫХ И ПЕРИОДИЧЕСКОГО ИЗДАНИЯ ОТКРЫТА ПОДПИСКА на Малую Советскую Энциклопедию 2-е издание в 10-ти томах Условия подписки: Задаток 10 р. вносится при подписке и полагается при выдаче последнего тома. При получении каждого тома уплачивается 10 руб. Пересылка за счет подписчика по действительной стоимости. В 1936 году выйдут на печати 1—6 томов, в 1937 г. 7—10 томов. Подписка принимается Главной Конторой, Москва, Маросейка, 7, Отделением Книготоргового Объединения Государственных Издательств, их магазинами и библиотекаторами.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ «СОВЕТСКАЯ ЭНЦИКЛОПЕДИЯ» КОГИЗ ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1936 ГОД НА ЖУРНАЛ КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ Ежемесячный журнал марксистско-ленинской критики и библиографии. Основатель, редактор Х. Н. Кантор. «КНИГА И ПРОЛЕТАРСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» дает обзор важнейших новостей, рецензии, библиографию, хронику о работе всех издательств. Журнал рассчитан на широкие слои партийного, советского и хозяйственного актива, на преподавателей общественных дисциплин, партийности, общественности, научных студентов, писателей, литературные кружки и др. Подписная цена: на 12 мес. — 26 р. 40 к., на 6 мес. — 13 р. 20 к., на 3 мес. — 6 р. 80 к. Цена отдельного номера — 2 р. 20 коп. ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ ОТДЕЛЕНИЯМИ, МАГАЗИНАМИ, КIOSКАМИ, УПОЛНОМОЧЕННЫМИ КОГИЗА И ВСОДУ НА ПОЧТЕ.

Государственное издательство «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА». ВЫПЕШ ИЗ ПЕЧАТИ, РАСЫЛАЕТСЯ ПОДПИСЧИКАМ И ПОСТУБИЛ В ПРОДАЖУ № 11 Литературного критика Ежемесячный журнал литературной теории, критики и истории литературы. В НОМЕРЕ: Литература и народ. ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ЛИТЕРАТУРЫ В. Максимовский — Эстетические взгляды Джамбаттиста Вико. В. Гюффеншер — Судьбы новеллы (статья 2-я). ЛЕВ ТОЛСТОЙ (1810—1910). М. Ротенберг — «Временное и вечное». Н. Н. Толстой о литературе и искусстве. Иоганн Альфман — Драматургия Толстого. Письма Горького о Толстом. А. Д. Чехов о Льве Толстом. В. Яковлеву — Как Лев Толстой вошел в историю. И. П. Павлов о Лев Толстой. Н. Гудалин — «Власть тьмы». Эдвард Шуб — Лев Толстой в кино. Виктор Пикасовский — Юбилейное издание Толстого. КРИТИКА. А. Селивановский — «Ведунки». Г. Лукач — Витгенштейн-драматург. ЯЗЫК И ЛИТЕРАТУРА. В. Ларин — Диалектизмы в языке советских писателей. ОБЗОРЫ И БИБЛИОГРАФИЯ. И. Сергеевский — Литературная учеба (1935 г. № 1—4). В. Перцов — Удача В. Лебедева. Е. Мухоморова — Стихи и очерки Маяковского о войне. Д. Гольдберг — «Молодые». С. Васильев — Наследие Радина. Новые книги.

Государственное издательство «ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА». Выпеш из печати и рассылает. Это подписчикам № 11 (ноябрьский) журнала ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА СОДЕРЖАНИЕ: Теодор Драйзер — Два Марка Твенна (статья и стихи (о Луи Арагон). ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА. Андра Жид — Палло (повесть). Э. Колдувал — Рашел и Бабае (эссе о новеллах). Джесс Джовс — Уласе (продолжение). Негритянская поэзия. РЕПОРТАЖ. Питер Куинс — Восстание в провинции. ЛИТЕРАТУРНОЕ ПРОШЛОЕ. Т. Драйзер — Книга о самом себе (продолжение). Марк Твен — Автобиография. Шеруд Алдерсон — История раскопки. ТЕОРИЯ И КРИТИКА. С. Динамов — Живописный путь Шеруд Алдерсона. Е. Гальперина — Возвращение к действительности (о Луи Арагон). Ив. Анисимов — Жюльен Грин и его время. И. А. Аксенов — Происхождение драмы Шекспира. А. Дурас — Дун Лозовик (6 рисунков). ФАКТЫ И ДОКУМЕНТЫ. Майкл Палл — Любовное письмо в Фридрих. Рене Аркос — Французская литература и ее издатель. БИОГРАФИЯ. Джесс Джовс. Лж. Мильбарн. Хроника.

С января 1936 г. начинает выходить новый всеосюзный массовый красочно иллюстрированный двухнедельный журнал технического воспитания рабочих „СТАХАНОВЕЦ“ В программе журнала: обмен опытом по стахановским методам работы в их связи с новой техникой; поименное техническое культуры рабочих и техника; техническая консультация. Журнал будет широко освещать новейшие достижения техники основных отраслей тяжелой и легкой промышленности СССР и передовых капиталистических стран. Объем номера — 4 печ. листа большого формата на бумаге лучшего качества, с красочным оформлением, с массовым тиражом. ОТКРЫТ ПРИЕМ ПОДПИСК НА 1936 ГОД Подписная цена: 12 мес.—12 руб., 6 мес.—6 руб., 3 мес.—3 руб. Подписка принимается: Москва, 6, Страстной бульвар, 11. Жургазобъединение и ввиду почтой и Союзпечатью. ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ.

Читайте новый № 35 За Рубежом В номере: Манюфр Карлова Луца Пресса, Елисет сегодня. Парз Бак — Здра. Хроника 1935 г. Разговор античелна с французом и др. материалы. Цена номера — 1 рубль. Требуется в kiosках Союзпечать. ЖУРГАЗОБЪЕДИНЕНИЕ.